

Глава 22. Посадка перца

—

Лицо Цзи Жунся мгновенно покраснело.

Ему показалось, будто во рту заплясали бесчисленные маленькие человечки, а от остроты из глаз разом хлынули слезы.

— Остро! Сс... Остро, остро, как же остро!

Слезы покатались по его щекам.

Гу Танцзинь поспешно взял чистую воду, стоявшую на сундуке у изножья постели, и протянул ее Цзи Жунся.

Цзи Жунся, припав к рукам Гу Танцзиня, быстро сделал несколько больших глотков.

Казалось, что даже чистая вода, попадая в рот, становилась горячей.

— Во рту больно, у этого перца такой необычный вкус. От него действительно очень больно, — Цзи Жунся приоткрыл рот, не зная, как описать это ощущение, но заявил с полной уверенностью: — Если использовать его для приготовления блюд, нужно класть совсем чуть-чуть!

С этими словами Цзи Жунся протянул руку и показал пальцами крошечную щепотку.

Видя это, Гу Танцзинь не знал, плакать ему или смеяться.

— Сс... Почему у меня и рука горит? Когда я только что трогал его, такого не чувствовал. О, я понял, сок этого перца липнет к рукам и жжет! — Цзи Жунся, шумно втягивая воздух, с живым интересом делился своим открытием.

— Посмотрю я, посмеешь ли ты в следующий раз сразу тащить его в рот, — Гу Танцзинь немного пожалел его и нашел чистый платок, чтобы вытереть руки.

— Кто же знал, что приготовленная с ним говядина такая вкусная, а есть его отдельно — так ужасно. Такой маленький стручок, а такой острый, да я ведь съел всего лишь малюсенький кусочек, слишком я его недооценил, — Цзи Жунся при этих словах аж вздрогнул.

— И впрямь, нельзя судить о перце по внешнему виду, — услышав это, Гу Танцзинь вообще не посмел пробовать. Он ведь мог есть лишь самую малость острого и не справлялся даже с той вяленой говядиной.

— На самом деле, когда немного отпустило, вкус кажется довольно неплохим, — спустя некоторое время губам Цзи Жунся стало не так тяжело. Он пару раз причмокнул, припоминая послевкусие, и рассудил, что вкус вполне стоящий.

Если подумать повнимательнее, в этом перце таилась едва заметная сладость. Она была тонкой, и ее трудно распознать, — просто у Цзи Жунся вкус был чутким, иначе ее действительно вряд ли удалось бы распробовать.

И тут у него вновь загорелись глаза от желания сделать второй укус.

Заметив это, Гу Танцзинь быстрым движением руки отобрал у него надкусанный перец сяомиля.

— Интересно, находятся ли семена этого перца внутри маленького плода? Если да, то мы могли бы их посадить.

Стоило Гу Танцзиню сказать это, как внимание Цзи Жунся мгновенно переключилось, и он тут же перестал думать о том, чтобы откусить еще кусочек.

— Не знаю. Он такой маленький... Вот это беленькое внутри — это его семена? — Цзи Жунся внимательно разглядывал надкусанный перец, указывая пальцем на семечки внутри.

— Угу, тогда почему бы нам не собрать семена изнутри и не попробовать посадить? Если не получится, попробуем закопать в землю весь перец целиком — поглядим, вырастет ли. Если и так не выйдет, возможно, сейчас слишком жарко, и этот перец не может расти. Ну а если и это не так, значит, семена должны быть не на самом плоде, — Гу Танцзинь тоже считал, что белые семечки внутри — это и есть семена, просто не был уверен до конца.

— Об этом я завтра спрошу того духа. Сейчас у нас довольно хорошие отношения, — высказал внезапную мысль Цзи Жунся.

— Он и этому может обучить? — Гу Танцзинь отложил перец и с любопытством спросил.

— Он знает необычайно много. Те навыки владения ножом, что я сейчас учу, — это всего лишь малая доля от того, что ему известно, — Цзи Жунся снова показал пальцами крошечную щепотку.

Гу Танцзинь невольно снова подивился чудесной природе этого «духа», живущего с Ся-гэром.

Он достал с сундука у изножья постели еще одну баночку с перечным соусом:

— Это появилось вместе с перцем. Баночка, похоже, из стекла. Я еще никогда не видел столь прозрачного стекла.

Все внезапно появившиеся за это время мелкие вещицы Гу Танцзинь тщательно припрятывал — включая бумажные стаканчики, прозрачные маленькие пиалы, ложечки и прочее.

— Вау, а как же это открыть? — Цзи Жунся тоже никогда не видел подобных баночек и с любопытством вертел ее в руках, осматривая сверху донизу.

Гу Танцзинь указал на значок круговой стрелки на крышке:

— Посмотри на этот знак сверху, должно быть, нужно крутить в эту сторону.

— Я попробую!!! — Цзи Жунся поспешно слез с постели, опасаясь, что если откроет неловко, то перечный соус прольется на одеяло. Он крутанул крышку по стрелке, и она вмиг отвинтилась.

В лицо тут же ударил острый, пряный и свежий аромат.

— Внутри как будто есть дробленый арахис и еще что-то, чего я не знаю, — Цзи Жунся внимательно заглянул в соус. Большинство ингредиентов были измельчены, так что понять, что именно там находится, Цзи Жунся было трудно.

— Интересно, вкусно ли это.

— Хочешь попробовать? — Гу Танцзинь, едва взглянув на выражение лица Ся-гэра, понял, что тот снова загорелся желанием снять пробу.

Он с сомнением спросил:

— У тебя рот больше не болит?

Цзи Жунся твердо ответил:

— Да давно уже не болит!

— Я пойду найду для тебя кусочек маньтоу, не ешь прямо так, — Гу Танцзиню ничего не оставалось, кроме как уступить на шаг.

— Угу, ладно, — Цзи Жунся против этого не возражал.

Они вдвоем попросту тайком пробрались на кухню и нашли маньтоу.

Нарезав маньтоу на ломтики, они слегка намазали их небольшим количеством перечного соуса.

Цзи Жунся разом откусил добрый кусок!

Гу Танцзинь держал в руках чашу с чистой водой, готовый в любой момент отпаивать Цзи Жунся.

— М-м! Вкусно! Очень вкусно! Необычайно ароматно, — Цзи Жунся прикрыл рот рукой и приглушенным голосом выразил свой восторг.

Глаза Цзи Жунся блестели, и он, словно поднося сокровище, протянул ломтик маньтоу Гу Танцзиню:

— Попробуй, скорее попробуй! Это не очень остро, но до чего же ароматно, неизвестно, как это приправлено.

Цзи Жунся подбивал Гу Танцзиня снять пробу.

Гу Танцзиню ничего не оставалось, как склонить голову и сделать укус.

Легкая острота, переходящая в глубокий аромат, в сочетании со вкусом маньтоу — просто, но чрезвычайно вкусно.

— Угу, действительно вкусно, — кивнул Гу Танцзинь.

— Вот именно! Я же говорю — вкусно. Как думаешь, если мы преподнесем это отцу и матери как соус из кизила и дикого перца, они поверят? О, и еще брату и гэ-фулану. Гэ-фулан сейчас носит ребенка, интересно, любит ли он острое! — Цзи Жунся откусил еще кусочек маньтоу.

— Хм, почему бы тебе не добавлять немного этого соуса, когда будешь делать лепешки-дяочжабин, — предложил Гу Танцзинь.

Если есть его в чистом виде, то не только отец с матерью, но даже Цянь Сюэчэн наверняка

поймет, что это никакой не соус из кизила.

Цзи Жунся:

— Отлично, тогда завтра я напеку побольше лепешек.

Приглушив голоса, они вдвоем, сменяя друг друга, уплетали ломтики маньтоу с острым соусом.

Шорохи и шепот были негромкими, но Яо Тяньлань, которая в эту ночь на редкость плохо спала, все равно их услышала. На самом деле она уже раза два или три замечала, как эти двое детей посреди ночи тайком поднимались перекусить.

— Спи давай. Дети еще молодые, если ночью проголодались и встали поесть, днем силы будут. К тому же, сколько ни прислушивайся, все равно не разберешь, о чем они говорят, — беспомощно сказал Гу Чуньцай, видя, как Яо Тяньлань с удовольствием подслушивает у стены.

— И то правда, не разобрать. Но ведь слышно, как они там хихикают? И чему только радуются целыми днями. С этой невесткой мы точно не прогадали. Раньше Танцзинь разве любил улыбаться? А сейчас круглые сутки с улыбкой ходит. Да и мастерство у Ся-гэра отменное — сколько дней прошло, а он ножом орудует так, будто несколько месяцев тренировался.

Говоря об этом, Яо Тяньлань прямо-таки расцветала.

Гу Чуньцай ничего не говорил, но время от времени кивал, плавно взмахивая большим веером из пальмовых листьев.

Яо Тяньлань выговорила, устала и вскоре крепко уснула. Гу Чуньцай молча продолжал обмахивать ее веером еще какое-то время и лишь затем отложил его и тоже погрузился в глубокий сон.

— Мне только что показалось, будто я слышал голос матушки, — прикончив перечный соус, Цзи Жунся и Гу Танцзинь проскользнули обратно в комнату. Сидя вдвоем у лампы, они брали по перчинке и выковыривали из них белые семена.

— Родители, боюсь, уже давно знают, что мы втихаря устраиваем себе ночные перекусы, — с улыбкой заметил Гу Танцзинь.

Лицо Цзи Жунся покраснело:

— А? Как неловко.

Есть втихаря, пусть даже на то и были причины, — до чего же неловко.

— Ничего страшного. На самом деле, когда я раньше учился, тоже частенько посреди ночи вставал искать еду — уж очень сильно голод одолевал, — говоря об этом, Гу Танцзинь тоже слегка покраснел.

Перед Ся-гэром он всегда был очень сдержан, так что о подобных вещах Гу Танцзиню было не очень легко заговаривать.

Он слегка опустил голову, выковыривая семена перца, и добавил:

— Дома мне еды не жалели, но если ночью не перекусить еще раз, я от голода просто уснуть не мог.

Цзи Жунся немного удивился. Танцзинь рос худым и высоким, и хотя без одежды на нем виднелись мышцы, по нему действительно трудно было сказать, что он такой едок.

Гу Танцзинь, заметив его взгляд, поспешно добавил:

— Сейчас уже получше, могу и без ночной еды продержаться до утра.

Цзи Жунся не удержался от смеха. Ему казалось, что его отношения с Танцинем стали еще ближе, хотя они вроде бы ничего такого и не делали — просто сидели вместе при свете лампы, выбирали семена перца да переговаривались.

— Неудивительно, что ты вырос таким высоким. Мой брат одно время тоже был жутко прожорливым. Я-то могу есть поменьше, но вообще тоже горазд поесть. Папа и мама каждый день твердили, что зерна не напасешься, а в зерновых лавках оно дорогое. Позже мой отец познакомился с отцом гэ-фулана, они сдружились, и наша семья стала покупать зерно напрямую у них дома, что сэкономило нам кучу денег.

— Мой отец потом и сосватал их, говорил, что жизнь в уезде — это наше единственное преимущество, иначе как бы мы смогли породниться с семьей Цянь. У них ведь больше тридцати му земли, и по большей части — плодородные поля. Семья Цянь к тому же прикупила небольшой участок земли на горе, посадила бамбук и деревья, так что прокормить домашних им хватало с избытком.

— Судя по твоим словам, твой отец сосватал их только ради того, чтобы твой брат мог наесться досыта, — Гу Танцзинь не знал, плакать ему или смеяться.

Разумеется, Гу Танцзинь понимал, что семья Цзи не брала зерно даром — они платили по тем ценам, по которым зерно скупали купцы, к тому же покупали у семьи Цянь древесину. Семьи общались плотно, и если говорить прямо, у обеих сторон было взаимное желание.

— У моего гэ-фулана характер хороший, он моего брата держит в строгости. В семье Цянь много людей и много проблем, гэ-фулан когда только вышел замуж и пришел к нам, я его поначалу даже не очень понимал, — повспоминал Цзи Жунся. — Вот в самый первый день он встал ни свет ни заря. Я хотел ему помочь, а он велел мне только за огнем следить. Я-то думал, он меня жалеет, а он мне позже признался, что просто боялся, что я сделаю что-нибудь плохое и опозорю его перед моими родителями в первый же день после прихода в наш дом.

Впрочем, позже Цянь Сюэчэн перестал так себя вести, и жизнь в их доме перестала казаться ему жизнью среди чужаков.

Гу Танцзинь, услышав это, на мгновение задумался и произнес:

— Там, где много людей, неизбежно возникают раздоры. Чтобы жить долго и счастливо, нужно придерживаться чистого и честного семейного уклада.

— Пока в нашей семье прибавится народу, неизвестно еще сколько времени пройдет, чего доброго я к тому времени уже состарюсь, — прыснул со смеху Цзи Жунся. — Мы с тобой слишком рано об этом заговорили, сейчас нам и вдвоем очень хорошо.

— Угу, — Гу Танцзинь слегка кивнул.

Они собрали небольшую горсть семян перца. Эту маленькую горсть они разделили на три части: одну часть замочили в воде, вторую приготовили выставить на просушку, когда завтра

распогодится, а третью решили посадить прямо так.

Следующий день выдался ясным и солнечным. Гу Танцзинь выставил ту малую часть семян сушиться под навес крыши, а остальные две части они посадили в деревянные кадки.

— Вот тут замоченные, а тут — незамоченные, Танцзинь, ты смотри, запомни, — Цзи Жунся был хорош в готовке, но в таких делах мало что смыслил.

Гу Танцзинь:

— Хорошо, я запомню.

Цзи Жунся наклонился над деревянной кадкой и «ласково» произнес:

— Перцы мои, перцы, растите-ка как следует, я жду, когда смогу вас съесть!

—

<http://bllate.org/book/17885/1727282>